

ВИКТОРИЯ
СЕВЕРИНА

ИЗМЕНА.
УЛЫБАЙСЯ,
нас снимают

Виктория Северина

Измена: Улыбайся, нас снимают!

«Литнет»

2026

Северина В.

Измена: Улыбайся, нас снимают! / В. Северина — «Литнет»,
2026

— Улыбайся, — шепчет муж, сжимая мои пальцы. — Нас снимают. Через несколько секунд начинается прямой эфир, посвящённый двадцатилетию нашего идеального брака. Перед нами камеры. За спиной — свадебные фотографии. Рядом сидит молодая соведущая, которой мой муж только что обещал квартиру, должность в нашей компании и новую жизнь. Мне он оставил другую роль. Верную жену. Мудрую женщину. Безымянного автора всех его книг о любви, честности и семейных ценностях. Павел уверен, что я не разрушу созданный нами бренд из-за какой-то измены. Я поплачу, успокоюсь, а потом сама напишу ему красивое оправдание. Он ошибся только в одном. Сегодня текст для прямого эфира буду читать не я.

Содержание

Глава 1. Улыбайся, нас снимают	5
Глава 2. Напиши мне правильную версию	20
Глава 3. Квартира для новой жизни	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1. Улыбайся, нас снимают

За сорок две минуты до прямого эфира мой муж всё ещё собирался произнести фразу, после которой половина женщин в студии должна была умилиться, а вторая половина — задуматься, почему их собственные мужья не способны выражаться так красиво. Павел сидел перед зеркалом в просторной гримёрной, терпеливо позволял визажистке припудривать ему лоб и читал речь с экрана планшета, время от времени замедляясь на тех местах, где заранее рассчитывал сделать паузу для аплодисментов.

— «Именно мужчина отвечает за то, чтобы женщина рядом с ним никогда не пожалела о своём выборе», — произнёс он, чуть понизив голос и внимательно посмотрев на своё отражение. — Вот здесь, Ира, я остановлюсь на две секунды, а потом скажу про ответственность. Камера должна взять крупный план, иначе смысл потеряется.

— Смысл не потеряется, — ответила я, стоя у небольшого столика, заваленного распечатками, бутылками воды и коробками с ещё не распакованными микрофонами. — Он просто прозвучит самодовольно, потому что за предыдущие пять минут ты уже трижды объяснил зрителям, каким должен быть настоящий мужчина.

Павел не обиделся. За двадцать лет совместной жизни и пятнадцать лет работы над его публичным образом он привык, что перед эфиром я говорю вещи, которые никому другому произносить не позволялось. Продюсеры боялись задеть его уверенность, редакторы старались не спорить с человеком, чьё имя стояло на обложках восьми книг, а молодые сотрудники принимали каждую его интонацию за часть сложной профессиональной магии.

— Если убрать эту фразу, у меня провалится переход к разговору о выборе, — заметил Павел и провёл большим пальцем по экрану, возвращаясь к началу абзаца. — Я не могу сначала сказать, что отношения требуют ежедневного труда, а потом внезапно перескочить к уважению. Между ними должна быть связка.

— Связка есть, только ты её не видишь, потому что снова пытаешься сделать центром речи себя, — объяснила я, придвигая к себе планшет. — Ты не обязан рассказывать, что мужчина отвечает за счастье женщины. Скажи, что каждый отвечает за собственный выбор и за то, чтобы не лишать другого человека права выбирать свободно.

Я быстро заменила несколько строк, не заглядывая в черновик. Этот текст я переписывала уже пятый раз, поэтому знала его лучше, чем Павел, хотя через сорок минут именно он должен был произнести речь перед камерой и принять благодарные аплодисменты за искренность.

— Послушай, как теперь звучит финал, — сказала я, возвращая ему планшет. — «Любовь нельзя удержать обещаниями, страхом, привычкой или общей фамилией. Она остаётся живой только там, где двое продолжают выбирать друг друга, не отнимая у другого свободу отказаться».

Павел прочитал новый абзац сначала молча, затем повторил вслух, пробуя разные ударения. На слове «свободу» он едва заметно нахмурился, но к концу фразы его лицо снова приобрело то выражение мягкой серьёзности, которое редакторы нашей программы называли фирменным.

— Красиво, — признал он, положив планшет на колено. — Только «отказаться» звучит слишком жёстко для юбилейного эфира. Сегодня люди хотят услышать, что после двадцати лет можно сохранить любовь, а не получить инструкцию по уходу из семьи.

— Именно потому, что можно уйти, выбор остаться что-то значит, — возразила я, собирая со стола исписанные листы. — Если у человека нет настоящей возможности отказаться, это уже не любовь, Павел. Это договор с пожизненным сроком.

Визажистка замерла с кистью в руке и тут же отвела глаза, словно случайно услышала не обсуждение текста, а что-то слишком личное. Павел посмотрел на меня через зеркало, задержал взгляд на несколько секунд, а затем улыбнулся так спокойно, будто я только что произнесла очередную удачную фразу для его будущей книги.

— Поэтому я на тебе и женился, — сказал он, позволяя визажистке продолжить работу. — Ты всегда умела превращать спорную мысль в формулировку, которую невозможно забыть.

Раньше подобные слова заставляли меня улыбаться. Мне казалось, что в них скрывается признание нашей особенной близости, ведь только я знала, сколько путаных заметок, неудачных метафор и слишком очевидных выводов превращались в стройный текст после наших ночных разговоров. Теперь я лишь проверила время на телефоне и мысленно отметила, что до выхода в студию осталось тридцать семь минут.

— Формулировку нужно не только запомнить, но и понять, — заметила я, складывая бумаги в папку. — Постарайся сегодня не заменить «свободу другого человека» на «мужскую ответственность», когда начнёшь импровизировать.

— Я никогда не искажаю твои мысли, — ответил Павел и чуть повернул голову, чтобы визажистке было удобнее пройти кистью по линии челюсти. — Я адаптирую их под живую речь, потому что текст на бумаге и разговор с аудиторией — разные вещи.

Я не стала напоминать, что восемь его книг тоже существовали сначала только на бумаге и что ни в одной из них моё имя не стояло рядом с его. Сегодня был не тот день, когда стоило поднимать старые, давно пережёванные обиды, ведь вся программа строилась вокруг нашего идеального брака, а я сама согласилась выйти в эфир и подтвердить этот образ.

На стене напротив гримёрного стола висел экран, на котором без звука показывали подготовленный к юбилею видеоролик. Там мы с Павлом были молодыми, смешными и ещё не умеющими держаться перед камерой: он в слишком широком пиджаке, я с короткой стрижкой и ребёнком на руках, оба усталые после бессонной ночи, но такие счастливые, что смотреть на эту фотографию было почти больно.

Следом появились кадры с нашей первой съёмной квартиры. На кухонном столе стоял старый компьютер, рядом лежали распечатки рукописи «Слышать друг друга», а Павел смотрел в объектив с кружкой кофе, будто именно в тот момент создавал книгу, которая позже сделала его известным.

За кадром в эту ночь находилась я. Лизе было семь месяцев, она просыпалась каждые два часа, а Павел утром должен был вести консультации, поэтому рукопись я дописывала одна, одновременно качая ногой детскую колыбель и стараясь не уснуть над клавиатурой.

Экран сменил фотографию. Мы стояли на сцене после вручения Павлу первой профессиональной премии, и он обнимал меня за плечи, а я держала в руках тяжёлую стеклянную статуэтку, которую он отдал мне сразу после церемонии со словами: «Она всё равно наполовину твоя».

Наполовину моей статуэтка оставалась ровно до следующего утра. Потом её отвезли в офис, поставили на полку за рабочим столом Павла и начали снимать во всех интервью так, чтобы зритель видел доказательство его профессионального успеха.

— Ирина Андреевна, у нас небольшая проблема с блоком семейных фотографий, — сказала появившаяся в дверях ассистентка Полина и прижала к груди планшет. — На экране плохо смотрится снимок с десятилетия свадьбы. Там лица слишком тёмные, а ретушировать уже поздно.

— Возьмите фотографию с поездки в Петербург, где мы на набережной, — предложила я и сразу вспомнила нужную папку. — Она лежит в общем архиве, раздел «Личное», июнь две тысячи шестнадцатого. Только не ту, где Павел в синей куртке, а следующую.

— Там вы стоите спиной к камере, — неуверенно напомнила Полина. — Лиц почти не видно.

— Зато видно, что мы держимся за руки, — ответила я, и ассистентка сразу кивнула. — Для этого блока важнее не лица, а ощущение близости.

Павел усмехнулся, не отрывая взгляда от зеркала. Ему всегда нравилось, что я умела думать не отдельными кадрами, а нужным впечатлением, которое они должны были создать у зрителя.

— Вот поэтому проект без тебя не проживёт и недели, — сказал он с лёгкой гордостью, будто делал мне комплимент. — Полина, поставьте фотографию, которую выбрала Ирина, и проследите, чтобы музыка начиналась на моменте, когда мы берёмся за руки.

Ассистентка убежала выполнять распоряжение, хотя распоряжение отдал Павел, а решение снова приняла я. Эта последовательность казалась настолько естественной, что ни он, ни сотрудники уже давно её не замечали.

Я заметила Яну Миронову ещё до того, как она появилась в дверях. Сначала в коридоре раздался её смех, затем кто-то из осветителей сказал, что проход перекрыт кабелем, и только после этого на пороге возникла сама Яна в облегающем тёмно-синем платье, слишком нарядном для обычного выпуска и вполне подходящем для юбилейного вечера.

Она была моложе меня на пятнадцать лет и умела выглядеть так, будто над её внешностью никто особенно не работал. Светлые каштановые волосы падали на плечи крупными волнами, кожа казалась безупречной даже под беспощадными студийными лампами, а тонкая золотая цепочка подчёркивала ключицы лучше любого сложного украшения.

— Я не помешаю? — спросила Яна, хотя уже вошла и прикрыла за собой дверь. — Хотела поздравить главных виновников торжества до начала сумасшествия.

Она подошла сначала ко мне и обняла осторожно, чтобы не помять одежду и не оставить следов тонального крема. От неё пахло чем-то свежим, терпким и незнакомым, но через секунду я уловила более привычную ноту — древесный аромат парфюма Павла, который мог остаться в гримёрной после его появления.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказала Яна, отступая на шаг и с искренним восхищением рассматривая мой светлый брючный костюм. — Я всё утро думала, что надеть рядом с вами, чтобы не выглядеть случайной девочкой, которую пригласили поддержать микрофон.

— Ты давно не случайная девочка, — ответила я и поправила чуть загнутый край её воротника. — У тебя сегодня два самостоятельных блока и разговор с семейной парой после рекламы. Главное, не торопись перебивать, когда муж начнёт оправдываться.

— Я помню, — заверила Яна и улыбнулась мне так открыто, что я не почувствовала никакого беспокойства. — Вы меня слишком хорошо научили, Ирина. Иногда я ловлю себя на том, что перед сложным вопросом думаю вашим голосом.

Павел поднялся с кресла, проверил, как сидит пиджак, и протянул Яне руку. Она коснулась его пальцев чуть дольше, чем требовало обычное приветствие, но это движение было настолько коротким и естественным, что в другой день я, вероятно, вообще его не заметила бы.

— Не перехваливай моего главного редактора, — сказал Павел, притягивая меня к себе за талию. — Иначе она решит, что может уйти и построить собственную империю.

— Я давно удивляюсь, почему Ирина этого не сделала, — отозвалась Яна, переводя взгляд с него на меня. — С таким талантом можно было бы не стоять за спиной даже у великого Павла Ракитина.

Она сказала это шутливо, и Павел рассмеялся первым. Я тоже улыбнулась, потому что привыкла поддерживать лёгкость в комнате перед эфиром, но внутри на мгновение возникло странное ощущение, будто Яна случайно нащупала пальцем старую трещину, которую я сама предпочитала не замечать.

— В хорошей семье никто ни у кого за спиной не стоит, — произнёс Павел с той мягкой наставительной интонацией, которую включал автоматически. — Мы работаем рядом, просто каждый отвечает за свою часть.

— Конечно, — согласилась Яна и посмотрела на него снизу вверх. — Именно поэтому ваш брак для меня всегда был образцом. Двадцать лет вместе, двое детей, общий проект, а вы до сих пор говорите друг о друге так, будто познакомились недавно.

Эту реплику она должна была повторить в эфире почти дословно. Я сама внесла её в сценарий, потому что зрителям был нужен внешний свидетель нашего счастья, человек моложе нас, для которого наш брак выглядел не устаревшей привычкой, а чем-то достойным зависти.

— Только не забудь сделать паузу перед словом «образец», — напонила я, открывая папку со сценарием. — Режиссёр в этот момент выведет на экран свадебную фотографию, и тебе нужно дать зрителям время её увидеть.

— Вы даже собственным счастьем управляете по секундомеру, — пошутила Яна, но тут же внимательно посмотрела в сценарий. — Я сделаю всё как надо.

Павла позвали на техническую проверку микрофона, и он вышел первым. Яна задержалась возле двери, будто хотела что-то сказать, но затем лишь пожелала мне удачи и последовала за ним.

Через несколько минут в гримёрной стало непривычно тихо. Визажистка убирала кисти, на экране продолжали сменяться наши семейные фотографии, а я вдруг поймала себя на том, что смотрю не на лица, а на промежутки между кадрами, где чёрный экран на долю секунды отражал моё собственное выражение.

Я выглядела уставшей. Не несчастной, не обманутой и не сломленной, а просто женщиной, которая слишком давно следила, чтобы у всех вокруг всё происходило вовремя.

— Ирина Андреевна, вам нужно пройти в студию через десять минут, — напонила визажистка, застёгивая чемодан с косметикой. — Я могу немного освежить губы перед выходом, если хотите.

— Давайте, — согласилась я и села в освободившееся кресло. — Только ничего яркого, иначе на экране будет казаться, что я пришла отмечать не юбилей, а победу.

Она улыбнулась, не поняв, почему собственная шутка заставила меня замолчать. Я тоже не знала, откуда взялось это слово и почему оно вдруг показалось неуместно важным.

Когда макияж был закончен, я прошла в студию. Там уже приглушили общий свет, оставив ярко освещёнными только три кресла на центральной площадке, полукруг зрительских мест и большой экран, на котором застыла наша свадебная фотография.

На снимке Павел смотрел на меня, а не в объектив. Я смеялась, запрокинув голову, и придерживала рукой простое платье, потому что в тот день дул сильный ветер и фотограф никак не мог заставить фату лежать красиво.

— Отличный кадр, правда? — спросил подошедший режиссёр Сергей, указывая на экран. — Мы его специально поставили первым. В нём есть жизнь, не как в постановочных свадебных фотографиях.

— Павел тогда наступил мне на подол, — объяснила я, продолжая смотреть на смеющуюся девушку, которой когда-то была. — Ещё секунду, и мы оба упали бы прямо перед загсом.

— Вот это тоже нужно рассказать в эфире, — оживился Сергей. — Такие детали всегда заходят лучше заготовленных речей.

Я почти ответила, что все лучшие «случайные» детали в наших эфирах тоже обычно были заготовлены. Потом решила не разрушать человеку удовольствие от иллюзии и только попросила проверить, правильно ли выстроена последовательность фотографий.

Павла в студии не оказалось. Его микрофон лежал на подлокотнике центрального кресла, телефон заряжался на столе возле режиссёрской стойки, а на вопросы ассистентов никто не мог точно ответить, куда он ушёл.

— Пять минут до рассадки! — громко объявил администратор, перекрывая шум зала. — Главных героев просим быть на площадке, зрителей предупреждаем об отключении звука на телефонах.

— Где Павел? — спросила я у Полины, когда она пробежала мимо с пачкой карточек для ведущего.

— Он только что был здесь, — ответила девушка, оглядываясь через плечо. — Кажется, Яна позвала его посмотреть что-то по третьему блоку. Может быть, они в малой гримёрной.

Никакого третьего блока Павлу смотреть не требовалось. Все вопросы были согласованы ещё утром, а Яна никогда не меняла сценарий без меня, поэтому я взяла папку и направилась в коридор, собираясь вернуть обоих на площадку до того, как Сергей начнёт ругаться в гарнитуру.

Дверь малой гримёрной находилась в конце короткого коридора, за складными декорациями и стойкой с запасными костюмами. Там обычно готовили гостей, не привыкших к телевидению, а сегодня помещение должно было оставаться свободным.

Я ещё не дошла до поворота, когда услышала голос Яны. Она говорила негромко, но в пустом служебном коридоре каждое слово отражалось от гладких стен и становилось отчётливее.

— Ты обещал назвать дату после юбилея, — произнесла она с раздражением, которого я раньше в её голосе не слышала. — Юбилей сегодня, Павел. Мне снова ждать ещё месяц, полгода или пока Матвей окончит школу?

Я остановилась не потому, что сразу поняла смысл сказанного. Первые секунды мозг пытался подобрать другое объяснение, найти рабочий контекст, в котором Яна могла требовать у моего мужа назвать дату и упоминать нашего сына.

— Не начинай сейчас, — ответил Павел тем особенным спокойным тоном, которым обычно умирал рассерженных гостей программы. — Через четыре минуты мы выходим в прямой эфир, и у меня нет времени разбирать твою тревожность.

— Это не тревожность, — резко возразила Яна. — Я живу в той квартире уже семь месяцев, а ты всё ещё называешь её служебной, когда приезжает Лиза. Ты говоришь, что это наш будущий дом, но даже зубную щётку забираешь с собой, чтобы никто случайно не увидел.

Я прижала папку к груди, словно картонная обложка могла удержать внутри меня всё, что внезапно начало рушиться. Слово «квартира» вспыхнуло в памяти рядом с длинными обсуждениями инвестиций, новыми помещениями для студии и обещанием Павла, что после расширения мы наконец перестанем зависеть от аренды.

— Мы это обсуждали, — продолжил он, и в его голосе не было ни смущения, ни страха быть услышанным. — Сейчас развод невозможен. У нас юбилейный эфир, два рекламных контракта завязаны на семейный образ, осенью выходит книга, и любое резкое движение будет стоить слишком дорого.

— Ты говорил то же самое год назад, когда всё только началось, — напомнила Яна, и теперь её голос дрогнул. — Сначала нужно было закончить сезон, потом дожидаться подписания спонсора, потом не расстраивать Ирину перед её днём рождения. Я больше не хочу быть женщиной, которую ты прячешь между съёмками.

Год назад. Эти два слова вошли в меня медленнее остальных, зато остались там сразу и навсегда.

Я вспомнила прошлую осень, когда Павел стал чаще оставаться в студии. Он объяснял это запуском нового формата, жаловался на усталость и возвращался домой после полуночи, а я оставляла ему ужин в духовке и переписывала главы книги, которую он называл самым честным текстом в своей карьере.

— После выхода книги всё изменится, — сказал Павел. — Мы спокойно объявим о расставании, подготовим детей, разделим публичные и личные активы. Я не собираюсь отказываться от тебя, но ты должна понимать, что моя жизнь не состоит только из наших отношений.

— А что будет с Ириной? — спросила Яна после короткой паузы. — Она останется в компании? Будет писать тебе книги и смотреть, как мы живём в квартире, купленной на её деньги?

Внутри меня что-то резко сжалось, но даже тогда я не вошла. Я стояла за углом, слышала дыхание людей, которым доверяла, и понимала, что сейчас узнаю о собственной жизни больше, чем за последние несколько лет.

Павел тихо вздохнул, будто Яна снова заставляла его объяснять очевидные вещи. Я слишком хорошо знала этот вздох и раньше всегда принимала его за терпение зрелого человека.

— Ничего с ней не будет, — произнёс он ровно. — Ира слишком разумная, чтобы перечеркнуть двадцать лет из-за секса. Пошумит, поплачет, а потом сама напишет нам правильную версию для прессы.

Я не почувствовала удара. Не было внезапной боли, головокружения или желания закричать, которыми такие моменты обычно описывают в книгах, написанных людьми, никогда не стоявшими в коридоре возле двери, за которой муж распределяет твою дальнейшую жизнь.

Вместо боли пришла ясность. Я услышала в его голосе абсолютную уверенность человека, который не сомневался ни в моей любви, ни в моём терпении, ни в праве продолжать пользоваться мной после того, как перестал считать нужным хранить верность.

— Ты уверен, что она ничего не знает? — спросила Яна, понизив голос. — Иногда мне кажется, она смотрит на меня слишком внимательно.

— Ира внимательно смотрит на всех, — ответил Павел. — Это её работа. Не путай наблюдательность с подозрением.

— Она тебе доверяет, — сказала Яна, и в её словах впервые прозвучало что-то похожее на вину. — Иногда мне от этого становится хуже.

— Не делай из неё жертву, — тут же возразил Павел. — Она получила от нашего брака не меньше, чем я. Дом, имя, положение, компанию, в которой может заниматься тем, что любит. У каждого взрослого выбора есть цена.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё сжимали папку, ногти упирались в гладкий картон, но дрожи не было.

Дом, который мы выплачивали вместе. Имя, которое я взяла после свадьбы. Компания, где я писала тексты, обучала редакторов, создавала сценарии и годами объясняла Павлу, почему нельзя превращать любую человеческую боль в красивую формулу.

В его представлении всё это он дал мне. Даже моя собственная работа оказывалась частью щедрой награды за то, что я была удобной женой.

В коридоре включился служебный динамик. Администратор объявил, что до прямого эфира осталось три минуты и всем участникам необходимо занять места.

За дверью послышалось движение. Я отступила назад раньше, чем ручка повернулась, и быстро прошла к лестнице, ведущей в студию, стараясь не ускорять шаг.

Мне нужно было принять решение. Можно было открыть дверь, назвать их обоих лжецами, сорвать эфир, уехать домой и запереться в спальне, пока Павел объяснял бы сотрудникам, что жена устроила сцену из-за эмоциональной нестабильности.

Он уже знал, как превратить мою боль в диагноз. Я сама написала для него десятки текстов о разрушительной ревности, импульсивных реакциях и необходимости сначала успокоиться, а потом принимать решения.

Если бы я ворвалась в гримёрную, Павел не испугался бы. Он положил бы руки мне на плечи, заговорил тихо и медленно, а Яну попросил бы выйти, чтобы не унижать меня ещё сильнее.

Потом он объяснил бы, что всё гораздо сложнее, чем кажется. Напомнил бы о детях, сотрудниках, рекламных контрактах и людях, которые зависят от нашего проекта, а затем предложил бы отложить личный разговор до завтра.

И я, возможно, согласилась бы. Не потому, что простила, а потому, что двадцать лет училась ставить общее дело выше собственного чувства.

Именно на это он рассчитывал.

Я вошла в студию, когда до начала эфира оставалось меньше двух минут. Свет уже бил в глаза, зрители рассаживались на местах, а Сергей говорил в гарнитуру сразу с тремя людьми, требуя проверить звук, убрать лишний стакан со стола и найти Павла.

— Ирина Андреевна, вы его видели? — спросила Полина, подбегая ко мне. — Мы уже запускаем заставку.

— Он идёт, — ответила я и направилась к центральному креслу. — Поставьте воду справа, а не слева. На прошлом эфире он дважды задел стакан рукой.

Даже сейчас я продолжала заботиться о том, чтобы Павел хорошо выглядел в кадре. Привычка оказалась сильнее потрясения, и осознание этого вызвало во мне холодную, почти спокойную ярость.

Я села в кресло. На большом экране за спиной появилась заставка «Честного брака», знакомая музыка заполнила студию, а ведущий Андрей Савельев занял место напротив и ободряюще мне улыбнулся.

— Вы готовы? — спросил он, наклоняясь ближе, чтобы его не услышали зрители. — Сегодняшний вечер должен стать особенным.

— Он станет, — ответила я, разглаживая ткань брюк на коленях. — В этом можете не сомневаться.

Павел появился за несколько секунд до включения камер. Он шёл быстро, но не выглядел взволнованным, а Яна следовала за ним и улыбалась сотрудникам так, будто только что обсуждала с ним порядок вопросов.

Он увидел меня сразу. На одно короткое мгновение его лицо изменилось, потому что я, вероятно, смотрела не так, как обычно, и человеку, изучившему мои реакции за двадцать лет, этого хватило.

Павел не остановился. Он сел рядом, поправил край пиджака и положил ладонь поверх моей руки, закрывая пальцы перед тем, как первая камера взяла нас крупным планом.

— Ты слышала? — спросил он почти беззвучно, не поворачивая головы. — Только не делай сейчас глупостей.

Я посмотрела на его профиль. Он не спрашивал, что именно я слышала, потому что уже знал ответ.

— Улыбайся, — добавил Павел, сильнее сжимая мои пальцы. — Нас снимают. Дома поговорим.

Красный огонёк на первой камере загорелся. Ведущий расправил плечи, музыка стала громче, а зрители начали аплодировать по сигналу администратора.

Я улыбнулась.

— Добрый вечер, друзья, — произнёс Андрей, обращаясь в камеру. — Сегодня у «Честного брака» особенный выпуск, потому что ровно двадцать лет назад появилась семья, без которой невозможно представить наш проект.

На экране за нами показали свадебную фотографию. Молодая я смеялась, Павел смотрел на меня с любовью, а студия приветствовала этот кадр долгими аплодисментами.

— Павел и Ирина Ракитины доказали, что семейная жизнь может быть не только испытанием, но и совместным делом, источником вдохновения и настоящим партнёрством, — продолжал ведущий. — Вместе они вырастили двоих детей, создали один из самых известных проектов об отношениях и помогли тысячам людей услышать друг друга.

Павел чуть сжал мою ладонь, напоминая о необходимости сохранять выражение лица. Я позволила ему держать мою руку, потому что хотела, чтобы камеры хорошо видели этот жест.

— Павел, двадцать лет — серьёзная дата, — обратился к нему Андрей. — Когда вы смотрите на свадебную фотографию, вам верится, что прошло столько времени?

— Иногда мне кажется, что прошло несколько жизней, — ответил Павел с мягким смехом. — Мы были совсем молодыми, не знали, как строить семью, спорили из-за мелочей и верили, что одной любви достаточно для всего.

Он говорил по написанному мной сценарию, но не смотрел на суфлёр. Павел всегда прекрасно запоминал тексты, особенно если знал, что произносить их придётся перед большой аудиторией.

— Потом родилась Лиза, появились первые серьёзные трудности, работа, усталость и страх не справиться, — продолжал он, поворачиваясь ко мне. — Но рядом была женщина, которая никогда не позволяла мне выбирать самый лёгкий ответ.

Зрители тихо зааплодировали. Павел улыбнулся мне так тепло, что на секунду я увидела не мужчину из малой гримёрной, а человека, с которым прожила половину взрослой жизни.

Именно это было самым страшным. Предатель не исчезал и не превращался в незнакомца, потому что сидящий рядом мужчина одновременно оставался отцом моих детей, человеком, который держал меня за руку в роддоме, варил кофе по утрам и знал, какую музыку я включаю, когда не могу работать.

— Что помогло вам сохранить доверие? — спросил Андрей. — За двадцать лет наверняка случались кризисы, когда проще было разойтись, чем продолжать искать общий язык.

Павел сделал рассчитанную паузу. Затем посмотрел прямо в камеру, и выражение его лица стало серьёзным.

— Секрет в том, что мы продолжали выбирать друг друга каждый день, — произнёс он моими словами. — Не один раз перед алтарём, не только в счастливые моменты, а снова и снова, когда уставали, обижались, не понимали друг друга и сомневались.

На экране показали фотографию из Петербурга. Мы стояли спиной к объективу и держались за руки, а зрители вновь зааплодировали, увидев точно рассчитанный символ близости.

— Любовь нельзя удержать обещаниями, страхом, привычкой или общей фамилией, — продолжал Павел, и его голос стал ниже. — Она остаётся живой только там, где двое продолжают выбирать друг друга, не отнимая у другого свободу отказаться.

Он всё-таки не заменил мою формулировку. Павел произнёс её идеально, с правильными паузами и нужным выражением глаз, а я сидела рядом и думала о том, что меньше часа назад он объяснял любовнице, почему моя свобода отказаться не имеет никакого значения.

Аплодисменты стали громче. Кто-то в первом ряду вытер слезу, а Андрей повернулся ко мне с улыбкой.

— Ирина, вы слышали эту речь раньше или Павел решил сделать вам сюрприз?

— Отдельные мысли мне знакомы, — ответила я и почувствовала, как пальцы мужа вновь сжались вокруг моей руки. — Но сегодня они действительно прозвучали по-новому.

Павел повернулся ко мне. Для зрителей этот взгляд должен был казаться влюблённым, однако я видела предупреждение.

— Яна, вы работаете рядом с этой семьёй уже несколько лет, — продолжил ведущий, переводя разговор к следующему участнику. — Насколько трудно соответствовать такой высокой планке?

Яна улыбнулась, сложив руки на коленях. В студийном свете она выглядела почти беззащитной, и только я знала, что семь месяцев она живёт в квартире, которую считает будущим домом с моим мужем.

— Рядом с Ириной и Павлом трудно не верить в зрелую любовь, — сказала она, обращаясь сначала к ведущему, а затем к камере. — Их брак для меня всегда был образцом, потому что они не изображают идеальных людей, а умеют оставаться командой даже в сложные периоды.

Она сделала паузу перед словом «образец» именно так, как я просила. На экране появилась свадебная фотография, а зрители снова зааплодировали.

— Я многому научилась у Ирины, — продолжила Яна, теперь глядя прямо на меня. — Она умеет слышать то, что человек ещё не способен сформулировать, и помогает каждому рядом с ней стать лучше.

Я не знала, насколько искренне она это говорила. Возможно, Яна действительно уважала меня и одновременно спала с моим мужем, потому что люди редко укладываются в простые роли, которые мы назначаем им ради собственного удобства.

— Спасибо, — произнесла я, не отводя взгляда. — Надеюсь, ты запомнишь не только то, как помогать другим формулировать чувства, но и то, что однажды придётся отвечать за собственные.

Улыбка Яны дрогнула. Андрей, не понимая скрытого смысла, рассмеялся и заметил, что это звучит как хорошее наставление молодому специалисту.

Павел накрыл мою руку второй ладонью. Для зрителей жест становился ещё нежнее, но ноготь большого пальца впился мне в кожу.

— Ирина, теперь ваше слово, — объявил ведущий. — Что вы хотели бы сказать человеку, с которым прожили двадцать лет?

Передо мной загорелся красный огонёк камеры. Я видела лица зрителей, ожидающих красивого признания, Яну, которая перестала улыбаться, и Павла, уверенного, что я не посмею разрушить то, что мы строили столько лет.

Он ошибался не в том, что считал меня разумной. Я действительно понимала стоимость рекламных контрактов, репутации, работы сотрудников и будущей книги лучше, чем любой человек в этой студии.

Павел ошибся, решив, что разум всегда заставляет женщину терпеть. Иногда разум всего лишь помогает выбрать место, где правда прозвучит так громко, что её уже невозможно будет запереть в семейной спальне.

— Павел прав, — начала я и почувствовала, как он немного расслабился. — Счастливый брак невозможен без честности, а любовь остаётся живой только там, где люди продолжают выбирать друг друга свободно.

Андрей согласно кивнул. В первом ряду пожилая женщина улыбнулась мне, заранее готовясь услышать слова благодарности мужу.

— Поэтому сегодня я тоже хочу сделать честный выбор, — продолжила я, глядя в центральную камеру. — Несколько минут назад я узнала, что больше года мой муж состоит в отношениях с нашей соведущей Яной Мироновой.

В студии стало настолько тихо, что я услышала собственное дыхание. Павел перестал сжимать мою руку, но не отпустил её, словно ещё надеялся удержать меня физически, если уже не мог остановить словами.

Андрей повернулся к режиссёрской стойке. В наушнике ему что-то быстро говорили, но он не успел произнести ни одной фразы.

— Я также хочу сообщить ещё одну вещь, — сказала я, понимая, что времени остаётся совсем мало. — Все восемь книг о любви, доверии и семейных ценностях, изданные под именем Павла Ракитина, написала я.

— Ира, прекрати, — прошептал Павел, больше не заботясь о том, услышит ли его микрофон. — Ты не понимаешь, что делаешь.

— Я очень хорошо понимаю, — ответила я и впервые за весь вечер посмотрела прямо на него. — Именно поэтому говорю сейчас.

На экране за нами исчезла свадебная фотография. Вместо неё появилась заставка программы, музыка резко стала громче, а голос ведущего сообщил о техническом перерыве.

Основная камера погасла. Однако в зале несколько человек уже держали телефоны, и девушка во втором ряду продолжала снимать, несмотря на требование администратора убрать устройство.

Павел встал первым. Он сорвал с лацкана микрофон, бросил его на кресло и повернулся ко мне с лицом, которого не видела публика.

— В гримёрную, — сказал он тихо, но так резко, что Андрей отступил в сторону. — Немедленно.

— Павел, сейчас не время, — вмешался ведущий, снимая наушник. — У нас прямой эфир, нужно решить, что делать дальше.

— Дальше ничего не будет, — отрезал мой муж. — Ставьте повтор старого выпуска и уберите зрителей из студии.

Сергей подбежал к нам, одновременно споря с кем-то по гарнитуре. Вокруг началось движение: администраторы просили людей выключить телефоны, операторы отходили от камер, а Яна всё ещё сидела в кресле, будто не могла заставить себя подняться.

— Ролик уже уходит в сеть, — сообщил Сергей, закрывая рукой микрофон гарнитуры. — Кто-то ведёт прямую трансляцию из зала. Мы не успеем это остановить.

Павел посмотрел на него так, словно тот лично организовал утечку. Затем схватил меня за локоть и повёл за кулисы, не обращая внимания на сотрудников.

Я освободила руку ещё в коридоре. Он остановился, но не попытался схватить меня снова, потому что вокруг находилось слишком много свидетелей.

В большой гримёрной уже собрались продюсер, юрист компании, руководитель рекламного отдела и несколько редакторов. Яна вошла последней и остановилась у двери, прижимая ладони к животу.

— Все лишние выйдите, — приказал Павел, закрывая дверь. — Остаются Ирина, Яна, Марина и Олег.

Редакторы и ассистенты быстро покинули комнату. Никто не посмотрел на меня, но я чувствовала их внимание даже после того, как дверь закрылась.

— Ты представляешь, что сейчас произошло? — спросил Павел, поворачиваясь ко мне. — У нас три миллиона обязательств только по сегодняшнему эфиру, рекламная интеграция, партнёры в зале и договор с издательством.

Он не спросил, как давно я стояла за дверью. Не попытался объяснить услышанное, не попросил прощения и даже не произнёс моего имени так, как называл меня дома.

Первым его чувством оказался не страх потерять жену. Павел боялся потерять проект.

— Я представляю, что произошло, — ответила я, снимая с одежды микрофон. — Ты больше года спишь с Яной, поселил её в квартире, купленной на деньги нашей компании, и собирался объявить мне об этом после выхода новой книги.

— Не сейчас, — процедил Павел, бросив быстрый взгляд на юриста. — Мы обсудим личные вопросы дома.

— Это перестало быть только личным, когда ты построил на нашем браке бизнес, — сказала я и положила микрофон на стол. — Ты каждый день продавал людям образ верного мужа, пока ехал после съёмок к любовнице.

— Не произноси это слово таким тоном, будто тебе пятнадцать лет, — оборвал меня Павел. — У взрослых отношений бывают сложные периоды, и мы давно жили скорее как партнёры, чем как супруги.

— Я об этом не знала, — ответила я, и юрист Марина опустила взгляд. — Видимо, партнёрство у нас тоже было односторонним.

Яна двинулась к двери. Лицо у неё побледнело, и прежняя уверенность исчезла.

— Я уйду, — сказала она, берясь за ручку. — Вам нужно поговорить без меня.

— Останься, — приказал Павел, даже не оборачиваясь. — Ты участник ситуации и должна понимать, что от тебя сейчас потребуется.

Яна медленно убрала руку от двери. В этот момент я впервые увидела, что с ней он разговаривает почти так же, как со мной, только она ещё принимала его командный тон за признак силы.

— Что потребуется от неё? — спросила я. — Ещё раз назвать наш брак образцом, только уже на другой площадке?

— От всех потребуется перестать действовать эмоционально, — ответил Павел и повернулся к продюсеру. — Олег, связывайся с площадками и требуй удаления роликов. Марина, готовь заявление о семейном кризисе и недопустимости травли. Никаких подтверждений романа до общего решения.

— Ролики уже копируют, — осторожно заметил Олег. — Даже если оригинал удалят, через час будут десятки перезаливов.

— Тогда нужно изменить повестку, а не бегать за каждой копией, — сказал Павел. — Мы покажем, что Ирина пережила острый эмоциональный срыв из-за сложностей в семье.

Я посмотрела на него и почувствовала, как внутри окончательно исчезает растерянность. Он не просто не собирался признавать свою вину, а уже готовил версию, в которой моё разоблачение станет симптомом болезни.

— Ты назовёшь меня неадекватной? — спросила я. — Это и есть правильная версия для прессы, которую я должна была написать сама?

Павел впервые замолчал. Он понял, что я слышала разговор целиком, но даже это не заставило его изменить тон.

— Я не называл тебя неадекватной, — произнёс он после паузы. — Ты находилась в состоянии шока и совершила действие, которое навредит тебе не меньше, чем мне.

— Какая забота, — сказала я, убирая сценарий в сумку. — Даже изменяя мне, ты беспокоишься, чтобы последствия не оказались слишком тяжёлыми.

— Ирина, прекрати этот театр, — потребовал он. — Ты уже получила свою сцену.

Слово «театр» прозвучало особенно нелепо в гримёрной, где каждая деталь нашей семейной жизни годами превращалась в декорацию. Я посмотрела на зеркало, вокруг которого горели лампы, и увидела нас всех: Павла в центре, Яну возле двери, сотрудников, ожидающих его решений, и себя, всё ещё одетую для празднования счастливого брака.

— Сейчас ты поедешь домой, — продолжил Павел, заметив, что я молчу. — Завтра успокойсь, и мы решим, как это исправить.

Он говорил так уверенно, будто мой отъезд, завтрашнее настроение и дальнейшие действия уже были включены в утверждённый сценарий. Возможно, раньше этого хватило бы, чтобы я действительно села в машину, приехала домой и стала ждать, когда муж найдёт время объяснить мне мою собственную жизнь.

— Нет, — ответила я, застёгивая сумку. — Ты останешься здесь и будешь спасать свои контракты. Я поеду домой, потому что сама решила уехать.

— Не играй словами, — раздражённо сказал Павел. — Сейчас не время доказывать независимость.

— Для тебя подходящего времени никогда не будет, — заметила я и направилась к двери. — Сначала юбилейный эфир, потом книга, потом рекламные обязательства, потом выпускной Матвея. Ты всегда найдёшь причину, почему моя жизнь должна подождать.

Павел шагнул следом. Яна отступила, освобождая проход, но смотрела на меня так, будто хотела что-то сказать.

— Ирина, — тихо начала она. — Я правда думала, что вы всё знаете.

— Не сейчас, — перебила я, повторяя слова Павла. — Когда-нибудь тебе придётся понять, почему ты так охотно поверила в удобную ложь. Но сегодня у меня нет сил помогать тебе формулировать ответ.

Она опустила глаза. Павел хотел остановить меня ещё раз, но юрист Марина уже говорила ему, что необходимо срочно согласовать заявление, и его внимание переключилось.

Я вышла из гримёрной одна. В коридоре сотрудники делали вид, что заняты телефонами, кабелями и декорациями, хотя новости уже разлетались быстрее, чем кто-либо успевал их удалять.

Полина стояла у стены и плакала. Увидев меня, она быстро вытерла лицо и попыталась заговорить, но я лишь попросила вызвать машину к служебному входу.

— Я могу поехать с вами, — предложила она. — Или позвать Лизу, она сейчас в офисе и уже знает.

— Не нужно никого звать, — ответила я. — Просто убедитесь, что Матвею не звонят журналисты. Его номер есть в старых документах проекта.

Полина кивнула и сразу начала кому-то писать. Даже в этот момент я продолжала думать о детях, утечках, чужих ошибках и последствиях для команды, а Павел, вероятно, уже составлял план, как использовать именно эту мою ответственность против меня.

У служебного выхода шёл дождь. Я не заметила его раньше, потому что приехала в студию днём, когда небо было светлым и чистым, а теперь асфальт блестел под фонарями, и вода стекала с крыши тяжёлыми струями.

Машина подъехала через несколько минут. Водитель узнал меня, посмотрел в зеркало, затем быстро отвёл взгляд, потому что ролик уже появился в новостных каналах.

— На Сосновую улицу, — сказала я, садясь на заднее сиденье. — И, пожалуйста, без радио.

Он молча выключил звук. Телефон в моей сумке вибрировал почти непрерывно, но я не доставала его, пока студия не исчезла за поворотом.

На экране было сорок семь пропущенных вызовов. Звонили Лиза, редакторы, издательство, несколько журналистов, моя сестра и три неизвестных номера.

От Павла не было ни одного звонка. Он прислал только короткое сообщение: «Ничего больше не публикуй. Завтра в десять встречаемся с юристами».

Я прочитала его дважды. Даже после прямого эфира, разоблачения и двадцати лет брака он не спрашивал, где я и добралась ли домой, а назначал встречу, словно я оставалась сотрудницей, нарушившей рабочую дисциплину.

Следом пришло сообщение от Яны. Она написала: «Мне очень жаль. Он говорил, что вы давно живёте отдельно и всё решили».

Я не ответила. В тот момент мне не хотелось выяснять, сколько именно лжи Павел распределил между нами, потому что любая новая подробность ничего не меняла в главном.

Он был уверен, что я останусь. Уверен настолько, что обсуждал с любовницей не возможность моего ухода, а форму, в которой я помогу им пережить скандал.

Дорога домой заняла почти час. Дождь усиливался, вода расплывалась по стеклу, превращая город в пятна света, и я впервые позволила себе закрыть глаза.

Передо мной возник Павел в день нашей свадьбы. Он держал меня за обе руки и обещал, что никогда не позволит работе стать важнее семьи, потому что видел, как карьера разрушила брак его родителей.

Потом вспомнилась ночь после рождения Лизы. Я не могла встать, ребёнок плакал, а Павел ходил по палате с дочерью на руках и шептал, что теперь у него есть две самые важные женщины в мире.

Были поездки, болезни, ссоры, примирения, рождение Матвея, первый кредит, страх потерять дом и тот вечер, когда Павел вернулся после дебютного эфира и сказал, что без меня не произнёс бы ни одной правильной фразы.

Все эти моменты оставались настоящими. Измена не стирала их, но заставляла заново оценить, где закончилась любовь и началась уверенность Павла, что однажды заслуженное право на меня уже невозможно потерять.

Когда машина остановилась возле дома, в окнах второго этажа горел свет. Матвей должен был вернуться с тренировки только через час, но его рюкзак лежал в прихожей, а мокрые кроссовки стояли возле двери.

Я сняла туфли, повесила плащ и услышала шаги на лестнице. Сын спустился быстро, однако остановился на середине, словно не понимал, можно ли подойти ко мне.

В шестнадцать лет он почти сравнялся ростом с отцом. Тёмные волосы были растрёпаны, на нём оставалась школьная толстовка, а телефон он сжимал так крепко, что побелели пальцы.

— Мам, — сказал Матвей и посмотрел мне в лицо. — Это правда?

Я не стала спрашивать, что именно он имеет в виду. За последний час ему могли прислать десятки версий, нарезок и комментариев.

— Да, — ответила я, проходя в гостиную. — У отца отношения с Яной. Я узнала об этом сегодня перед эфиром.

Матвей пошёл за мной. На журнальном столике стояла нетронутая тарелка с бутербродами, а телевизор был выключен, хотя пульт лежал рядом.

— Почему ты сказала это там? — спросил он, и в его голосе прозвучала злость. — Ты не могла поговорить с ним дома? Теперь все в школе знают, мне уже человек двадцать написали.

Я села на диван и положила сумку рядом. Хотелось обнять сына, объяснить, что мне тоже страшно, и попросить его хотя бы сегодня не требовать от меня правильных решений, но он не был обязан становиться взрослым только потому, что его родители разрушили привычный мир.

— Я могла поговорить дома, — признала я. — И, возможно, должна была сначала подумать о том, как это ударит по тебе и Лизе. Я не успела этого сделать, и за эту часть решения отвечаю я.

Матвей смотрел настороженно. Вероятно, он ожидал, что я начну оправдываться болью или обвиню во всём отца.

— Но я не буду говорить, что самой проблемы нет только потому, что правда прозвучала неудобно, — продолжила я. — Твой отец больше года обманывал меня, тебя, Лизу и людей, которым рассказывал о честности. Я узнала об этом за несколько минут до эфира и решила больше не поддерживать ложь.

— А книги? — спросил сын после паузы. — Ты правда их писала?

— Да, — ответила я. — Отец давал идеи, рассказывал случаи из практики и утверждал итоговый текст, но сами книги писала я.

Матвей медленно сел в кресло напротив. Он провёл ладонью по волосам и посмотрел в сторону, пытаясь вписать в привычный образ отца ещё одну ложь.

— Почему тогда на них его имя? — спросил он. — Почему ты столько лет молчала?

Этот вопрос оказался тяжелее предыдущего. Ответ не помещался в красивую фразу о жертвенности, любви или семейном партнёрстве, потому что в нём было слишком много моих собственных решений.

— Сначала мы думали, что одна фамилия поможет проекту, — объяснила я. — Отец был психологом, выступал перед людьми, и издательство считало, что его имя будет продаваться лучше. Потом первая книга стала успешной, появилась вторая, третья, и каждый раз казалось, что уже поздно всё менять.

— Но ты могла потребовать, — тихо сказал Матвей. — Ты же не боялась папу.

— Я не боялась его, — согласилась я. — Я боялась разрушить то, что мы строили вместе. Это не одно и то же, хотя сегодня я уже не уверена, что разница была такой большой.

Сын опустил голову. Телефон снова завибрировал в его руке, и он сразу отключил звук.

— Папа написал, что ты сейчас не в порядке, — сообщил Матвей. — Он сказал не верить всему, что появляется в интернете, и что завтра вы дадите нормальное объяснение.

Я почувствовала усталость настолько сильную, что на секунду захотелось лечь прямо на диван и закрыть глаза. Павел уже начал работать с детьми, хотя ещё недавно требовал обсуждать всё дома.

— Я не собираюсь давать объяснение, которое сделает его измену недоразумением, — сказала я. — Но я также не буду заставлять тебя выбирать между нами. Ты имеешь право любить отца, злиться на меня и не отвечать одноклассникам.

— Я не знаю, что им говорить, — признался Матвей. — Они спрашивают, спал ли отец с Яной прямо в студии, правда ли ты сошла с ума и зачем ты написала ему книги, если теперь называешь это обманом.

— Ничего не говори, — посоветовала я. — Ты не пресс-секретарь нашей семьи и не обязан объяснять чужие поступки.

Матвей впервые посмотрел на меня не с раздражением, а с растерянностью. Он всё ещё был ребёнком, несмотря на рост, серьёзное лицо и привычку отвечать односложно.

— Ты разведёшься с ним? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответила я. — Сегодня я узнала правду. Всё остальное буду решать позже, но делать вид, что ничего не произошло, я не стану.

Сын кивнул, хотя этот ответ его не успокоил. Затем поднялся, постоял несколько секунд возле кресла и всё-таки подошёл ко мне.

Он не обнял меня полностью, а лишь неловко коснулся плечом, как делал последние пару лет, когда уже считал себя слишком взрослым для детских проявлений нежности. Я прижала ладонь к его спине и почувствовала, как он напряжён.

— Я злюсь на тебя, — сказал Матвей, не отстраняясь. — Но на него тоже.

— Имеешь право, — ответила я. — Сегодня тебе не нужно никого защищать.

Он ушёл наверх, а я осталась в гостиной. В доме было тихо, только дождь стучал по окнам и телефон продолжал напоминать о мире, который уже обсуждал нашу семью.

Я наконец открыла новостную ленту. Ролик из студии набрал несколько сотен тысяч просмотров, а короткая фраза «мой муж состоит в отношениях с нашей соведущей» разлеталась по каналам отдельно от всего остального.

Одни комментаторы писали, что я смелая женщина. Другие обвиняли меня в том, что я разрушила карьеру мужа из-за личной обиды, а третьи требовали доказательств авторства и называли признание о книгах попыткой воспользоваться скандалом.

Я не стала читать дальше. Чужая ярость и поддержка одинаково плохо проникали сквозь усталость.

Пришло сообщение от Лизы: «Мам, я не могу сейчас говорить. В офисе кошмар. Папа сказал, что завтра всё объяснит».

Я ответила, что люблю её и не требую немедленно занимать чью-либо сторону. Затем положила телефон на стол, но экран снова загорелся почти сразу.

На официальной странице Павла появилось заявление.

Фотография была выбрана безупречно. Мы стояли рядом на летней веранде, он держал меня за плечи, а я смеялась, повернувшись к нему.

Под снимком был опубликован короткий текст:

«Моя жена переживает тяжёлый эмоциональный кризис. Я прошу не травить женщину, которую люблю, и дать нашей семье возможность справиться с этим испытанием. За двадцать лет вместе мы переживали сложные периоды и всегда находили силы услышать друг друга.

Сейчас нам особенно необходимы тишина, уважение и право не превращать личную боль в общественный приговор».

Я прочитала заявление один раз, затем вернулась к началу. Слова были слишком знакомыми, даже порядок фраз казался почти родным.

Четыре года назад один из приглашённых экспертов нашей программы попал в скандал после публичной ссоры с женой. Тогда Павел попросил меня срочно подготовить нейтральный шаблон, который не признавал бы вину, выражал заботу о пострадавшей женщине и одновременно представлял её эмоционально нестабильной.

Я нашла старый файл в личной почте. Название сохранилось: «Антикризисное заявление — семейный конфликт».

Павел заменил несколько слов и поставил под текстом своё имя. Даже защищаясь от обвинения в том, что годами присваивал мои тексты, он снова не смог заговорить самостоятельно.

Я смотрела на экран телефона и впервые за весь вечер почувствовала не боль, а почти беззвучный смех. Он поднимался изнутри, смешивался с усталостью и превращался во что-то холодное, от чего мне стало легче дышать.

Мой муж был уверен, что завтра я успокоюсь и помогу ему всё исправить. Он ещё не понял, что сегодня лишился не только верной жены.

Павел Ракитин остался без женщины, которая двадцать лет писала ему правильные слова.

Глава 2. Напиши мне правильную версию

Утром я проснулась не от будильника, а от запаха кофе. Несколько секунд мне казалось, что вчерашнего вечера не было, потому что Павел всегда вставал раньше, спускался на кухню и включал кофемашину так тихо, будто боялся разбудить не меня, а весь дом. Потом я увидела лежащий на соседней подушке телефон, вспомнила красный огонёк камеры и его ладонь, сжимающую мои пальцы, и поняла, что знакомый запах теперь не обещает обычное утро.

За окном было пасмурно, но дождь закончился. На стекле остались длинные мутные дорожки, а сад выглядел так, словно всю ночь кто-то старательно смывал с него летнюю пыль. Я лежала, не двигаясь, и слушала звуки снизу: щёлкнула дверца шкафа, зашуршал бумажный пакет, затем Павел поставил что-то тяжёлое на кухонный стол. Он не открывал дверь своим ключом после вчерашнего вечера, поэтому, вероятно, Матвей впустил его перед школой.

Телефон показывал восемь сорок три. За ночь пришло больше двухсот сообщений, несколько десятков писем и столько уведомлений из социальных сетей, что цифры на значках перестали иметь смысл. Я отключила звук ещё ночью, но экран продолжал вспыхивать от новых публикаций, комментариев и звонков людей, которые вчера считали нас счастливой семьёй, а сегодня хотели первыми узнать, как именно она распалась.

Матвей в школу не пошёл. Около трёх ночи я услышала, как он ходит по коридору, а утром на столе в его комнате увидела сообщение классному руководителю о плохом самочувствии. Я не стала заставлять сына придумывать более убедительную причину и не попросила идти на уроки ради видимости нормальной жизни. После того как его отец превратил семейный образ в товар, меньше всего мне хотелось продолжать ту же торговлю внутри собственного дома.

Я надела тёмные брюки и мягкий серый джемпер, собрала волосы в низкий хвост и только потом вышла из спальни. Перед зеркалом я заметила красное пятно на запястье, где Павел вчера сжимал мою руку в студии, но синяка ещё не было. Я провела пальцами по коже и подумала, что эта отметина исчезнет быстрее, чем ролик с моим признанием перестанет появляться в ленте.

Матвей сидел в гостиной с ноутбуком на коленях. Он был в той же толстовке, что и ночью, и смотрел не на экран, а в окно, словно ждал возможности исчезнуть вместе с проезжающими машинами. Увидев меня, сын быстро закрыл крышку ноутбука, но я успела заметить открытый чат класса и десятки непрочитанных сообщений.

— Папа приехал, — сказал Матвей и потёр ладонью лицо. — Он спросил, дома ли ты, а потом сказал, что приготовит кофе и что вам нужно спокойно поговорить.

— Ты его впустил? — спросила я, хотя ответ был очевиден. Матвей сразу напрягся, будто ожидал упрёка, поэтому я добавила, что он имел полное право открыть дверь собственному отцу.

— Я не знал, что делать, — признался сын и посмотрел на меня. — Он вёл себя нормально, как будто приехал после обычной ссоры.

— Для него это и есть обычная ссора, — ответила я, стараясь говорить без горечи. — Только теперь о ней знают слишком много людей, поэтому он пришёл раньше, чем успел окончательно придумать, как всё объяснить.

Матвей хотел спросить что-то ещё, но из кухни донёсся голос Павла. Он позвал меня тем спокойным домашним тоном, которым обычно спрашивал, готова ли я завтракать, и от этой привычной интонации стало почти физически неприятно. В ней не было ни неловкости, ни страха, ни даже попытки понять, как следует обращаться с женой утром после разоблачения измены.

Я вошла на кухню и остановилась у двери. Павел сидел на своём обычном месте, положив перед собой ноутбук, папку с документами и два бумажных стакана из кофейни возле студии. Рядом лежал пакет с миндальными круассанами, которые я любила несколько лет назад, пока не начала избегать сладкого по утрам, но он этого так и не запомнил.

На нём был вчерашний костюм, только галстук исчез, а ворот рубашки был расстёгнут. Волосы Павел успел привести в порядок, лицо выглядело усталым, но не разбитым, и я сразу поняла, что ночь он провёл не у Яны. Если бы он приехал от неё, то переоделся бы, принял душ и старательнее скрыл следы чужого дома.

— Я принёс тебе кофе без сахара, — сказал Павел, пододвигая стакан к свободному месту. — Выпей, пока не остыл, и давай постараемся поговорить без вчерашних эмоций.

— Где ты ночевал? — спросила я и не села. Мне хотелось услышать ответ не потому, что местонахождение мужа ещё могло что-то изменить, а потому, что его выбор после скандала показывал, о чём он думал в первую очередь.

— В гостинице возле студии, — ответил Павел и снял крышку со своего стакана. — Поехать к Яне после того, что ты устроила, было бы безответственно. У входа дежурили журналисты, а фотография моей машины возле её дома стала бы подтверждением всего, что ты сказала.

Он объяснил это спокойно, словно ожидал, что я оценю его предусмотрительность. Павел не сказал, что не мог поехать к любовнице из уважения ко мне или потому, что хотел хотя бы на одну ночь прекратить отношения. Он просто выбрал гостиницу как более правильное решение для прессы.

— Значит, ты всё-таки способен отказаться от встречи с Яной, когда это угрожает репутации, — заметила я и прошла к окну. — Мне казалось, наши отношения заслуживают хотя бы такой же осторожности.

— Ира, я приехал не для обмена колкостями, — произнёс Павел и развернул ноутбук экраном ко мне. — Ситуация серьёзная, поэтому нам нужно на время отложить личные обиды и договориться о последовательных действиях.

На экране был открыт документ с логотипом «Ракитин Медиа». Вверху крупными буквами стояло: «Соглашение о временном порядке публичного и делового взаимодействия», а ниже значились наши полные имена и дата. Юристы успели подготовить его за ночь, пока я разговаривала с сыном и пыталась понять, какую часть прожитой жизни можно считать настоящей.

— Ты привёз мне договор утром после измены, — сказала я и посмотрела на папку. — Надеюсь, там хотя бы есть раздел с извинениями, иначе работа проведена не полностью.

— Это не договор о наших чувствах, а временный документ, который защитит тебя, детей и компанию, — объяснил Павел. — Марина подготовила основу, а я внёс несколько поправок, чтобы условия были для тебя максимально комфортными.

Он произнёс слово «комфортными» так, будто предлагал мне новый кабинет или более удобный график. Я подошла к столу, но не взяла кофе и не села напротив него, потому что не хотела случайно превратить происходящее в знакомое рабочее совещание, где Павел приносил сырой материал, а я делала его разумным.

— Читай, — сказала я, скрестив руки на груди. — Раз ты приехал с готовым решением, тебе не понадобится моя помощь, чтобы объяснить его смысл.

Павел сдержал раздражение, открыл документ и начал перечислять пункты. В течение двенадцати месяцев мы не подавали на развод, не делали новых публичных заявлений и подтверждали, что переживаем сложный семейный период, но продолжаем работать над отношениями. Я обязалась не называть Яну, не комментировать характер её связи с Павлом и не использовать личную переписку или внутренние документы компании в публичном пространстве.

Отдельным пунктом значилось моё участие в двух заранее оплаченных мероприятиях. Первое должно было пройти через три недели в загородном отеле, где мы с Павлом проводили большой семинар о восстановлении доверия после кризиса. Второе планировалось осенью на книжном фестивале и включало совместную презентацию новой книги о способности супругов сохранять близость после двадцати лет брака.

— Ты хочешь, чтобы я вышла с тобой на сцену и рассказывала о восстановлении доверия, пока продолжаешь спать с Яной, — уточнила я, когда он закончил читать этот раздел. — Это не временный порядок, Павел. Это предложение продолжить мошенничество, только теперь уже с моего письменного согласия.

— Не драматизируй формулировки, — ответил он, откидываясь на спинку стула. — Мы не продаём людям нотариально заверенную историю собственной спальни. Мы говорим о принципах отношений, которые остаются верными независимо от наших текущих проблем.

— Какая удобная мысль, — заметила я и впервые посмотрела на бумажный стакан с кофе. — Получается, семейный эксперт может годами обманывать жену, а его советы всё равно остаются истинными, потому что существуют отдельно от него.

— Врач не обязан никогда болеть, чтобы лечить других, — сказал Павел и развёл руками. — Психолог тоже остаётся профессионалом, даже если сталкивается с личным кризисом.

— Врач обычно не пишет книгу о безупречном здоровье в тот момент, когда скрывает заразную болезнь от собственной семьи, — ответила я. — И ты не просто столкнулся с кризисом. Ты больше года строил параллельную жизнь и собирался использовать меня для её прикрытия.

Павел постучал пальцами по столу, но спорить с примером не стал. Он прокрутил документ дальше и показал раздел об авторских правах, где я подтверждала, что все книги, сценарии, программы и иные материалы создавались в рамках моей работы в компании, а исключительные права на них принадлежат «Ракитин Медиа».

В обмен мне предлагалась квартира в новом жилом комплексе, ежемесячное содержание, сохранение должности руководителя редакционной группы и отдельный бюджет на личные проекты. Я могла не появляться в офисе, работать удалённо и выбирать темы будущих книг, если согласовывала их с Павлом и издательством.

— Ты решил купить моё молчание квартирой и зарплатой из компании, которую мы создавали вместе, — сказала я, дочитав страницу. — Даже деньги на моё содержание будут поступать из бизнеса, где я пятнадцать лет делала половину работы.

— Я предлагаю тебе финансовую стабильность, — возразил Павел и наклонился вперёд. — После вчерашнего эфира ты можешь лишиться не только брака, но и источника дохода, профессиональной репутации и привычного уровня жизни. Я пытаюсь сделать так, чтобы ты ничего не потеряла.

— Кроме мужа, авторства, достоинства и права самой решать, как жить дальше, — перечислила я. — Но это, видимо, не входит в привычный уровень жизни.

Павел снова открыл рот, но я подняла руку и попросила ответить на один вопрос. Он замолчал, потому что всё ещё верил, что разговор можно вернуть в деловую плоскость, если дать мне высказаться.

— Ты прекращаешь отношения с Яной? — спросила я и впервые увидела, как он осторожно подбирает слова. — В соглашении об этом нет ни одного пункта, хотя ты предлагаешь мне год изображать попытку сохранить брак.

— Сейчас любые резкие решения будут продиктованы давлением и не принесут пользы никому, — ответил Павел. — Я не считаю правильным разрывать отношения только для того, чтобы публика получила красивое наказание виновного мужчины.

— Я спрашиваю не о публике, а о себе, — сказала я, и он едва заметно поморщился. — Если я подпишу этот документ, ты продолжишь жить с Яной?

— Яна останется частью моей жизни, — произнёс Павел после паузы. — Но это не означает, что ты перестанешь быть моей женой, партнёром и самым близким человеком.

Несколько секунд я просто смотрела на него. Раньше мне казалось, что людей, способных произнести подобное всерьёз, придумывают авторы слишком примитивных мелодрам, потому что живой человек обязательно должен слышать чудовищность собственных слов. Павел не слышал ничего, кроме разумного компромисса, который позволял сохранить привычный порядок.

— Объясни, как это должно работать, — попросила я и села напротив него. — Я хочу понять, каким ты видишь наш брак после подписания соглашения.

Он решил, что я наконец готова обсуждать условия, и голос сразу стал мягче. Павел рассказал, что мы можем жить отдельно, но регулярно появляться вместе на семейных мероприятиях, поддерживать отношения с детьми, продолжать работу и со временем определить, какой формат брака подходит нам обоим.

— Я не прошу тебя участвовать в моих отношениях с ней, — добавил он, положив ладони на стол. — Я прошу сохранить то, что касается нас.

— А что касается нас? — спросила я. — Мой текст в твоих книгах, моя улыбка рядом с тобой на сцене, мой дом и дети, которые должны подтверждать, что их отец всё ещё глава счастливой семьи?

— Нас касается двадцать лет жизни, — ответил Павел и повысил голос впервые с начала разговора. — Всё, что мы пережили, построили и создали, нельзя выбросить только потому, что я встретил другого человека и не сразу нашёл способ сказать тебе об этом.

— Ты не искал способ сказать, — напомнила я. — Ты искал дату, когда признание обойдётся дешевле.

— Потому что я отвечаю не только за себя, — произнёс он. — В компании работают люди, у нас обязательства перед издательством, спонсорами и аудиторией. Взрослый человек учитывает последствия, а не бросает правду в прямой эфир и уходит.

Я смотрела на Павла и постепенно понимала, что в его сознании мы с Яной не соперничали. Он действительно не выбирал между нами, потому что назначил каждой отдельное предназначение и считал, что разные потребности дают ему право на разных женщин.

Я была домом, где лежали документы, семейные фотографии и привычные рубашки. Я знала, какие слова он забудет на сцене, как меняется его голос перед важным разговором и что следует убрать из текста, чтобы самоуверенность выглядела убеждённо. Яна была квартирой с новым ремонтом, ночными поездками без детских вопросов и возможностью снова чувствовать себя мужчиной, которому двадцать девять, а не сорок восемь.

В его системе координат одна женщина не заменяла другую. Мы дополняли жизнь Павла, и потому требование выбрать казалось ему таким же нелепым, как предложение отказаться от работы ради дома или от дома ради путешествий.

— Ты не любишь ни меня, ни её, — сказала я после долгой паузы. — Ты любишь разные ощущения, которые мы тебе даём, и не понимаешь, почему должен отказаться хотя бы от одного.

— Не нужно превращать сложную ситуацию в красивый приговор, — возразил Павел, но отвёл глаза. — Я люблю тебя иначе, чем двадцать лет назад, и это нормально. Брак не обязан всю жизнь держаться на страсти.

— Значит, страсть ты вынес из брака и поселил в отдельной квартире, — ответила я. — А мне оставил надёжность, потому что она удобнее и дешевле.

Павел закрыл документ и некоторое время молча смотрел на ноутбук. Я знала это выражение его лица: оно появлялось, когда спор уходил слишком далеко от подготовленного сценария и он не мог сразу подобрать реплику, возвращающую контроль.

— Я понимаю, что сейчас ты хочешь наказать меня, — сказал он наконец. — Это естественная реакция, но через несколько дней ты сама увидишь, что разрушение компании и семьи не вернёт тебе чувство безопасности.

— Я не хочу тебя наказывать, — ответила я. — Я хочу перестать спасать от последствий человека, который сознательно разрушал мою жизнь и рассчитывал, что я всё исправлю.

— Ты ничего не обязана исправлять одна, — заметил Павел и открыл чистый документ. — Нам нужно подготовить совместное заявление, а потом юристы и пресс-служба займутся остальным.

Он придвинул ноутбук ближе, поставил курсор в начале пустой страницы и посмотрел на меня с выражением, будто мы вернулись к знакомой работе. Это движение было настолько привычным, что я почти увидела прошлые годы: Павел приносил мысль, говорил, что времени мало, а я садилась рядом и превращала его растерянность в убедительную речь.

— Первый абзац должен признать, что вчерашний эфир стал тяжёлым испытанием для нашей семьи, — начал он. — Потом мы скажем, что эмоции заставили нас вынести личный конфликт в публичное пространство, о чём оба сожалеем.

Я не пошевелилась. Павел подождал, затем подвинул ноутбук ещё ближе и постучал пальцем по клавиатуре, словно напоминал, где находятся нужные клавиши.

— Напиши сам, — сказала я и положила руки на колени. — Ты пятнадцать лет считаешься автором. Самое время попробовать.

Сначала Павел улыбнулся. Он решил, что я демонстративно обижаюсь, поэтому позволил себе короткий снисходительный смешок и даже покачал головой.

— Ира, мы оба знаем, что сейчас не время для мелких уколов, — произнёс он, сохраняя мягкость. — Ты лучше чувствуешь аудиторию, а я не спал всю ночь и должен провести ещё несколько разговоров.

— Я тоже не спала, — напомнила я. — Кроме того, вчера выяснилось, что мои слова принадлежат компании, поэтому тебе не следует просить меня создавать новые без отдельного договора.

Улыбка исчезла. Павел посмотрел на меня внимательнее и впервые понял, что я не собираюсь открывать документ, исправлять формулировки и помогать ему выглядеть человеком, которым он никогда не был.

— Хорошо, — сказал он и придвинул ноутбук к себе. — Я напишу начало, а ты хотя бы посмотришь и скажешь, что нужно изменить.

— Нет, — ответила я. — Ты напишешь всё сам и опубликуешь под своим именем, как делал с моими текстами. На этот раз подпись будет соответствовать автору.

Павел глубоко вдохнул, положил пальцы на клавиатуру и начал печатать. Он набрал заголовков, затем первую строку: «Вчера наша семья столкнулась с непростым испытанием, которое стало достоянием общественности вопреки нашей воле».

Я прочитала фразу с его стороны стола и ничего не сказала. Павел перечитал её, удалил последние слова и написал: «Вчера эмоции заставили мою жену сделать заявление, которое причинило боль многим людям».

— Уже лучше? — спросил он, не глядя на меня. — Здесь нет обвинения, только констатация последствий.

— Ты начал совместное заявление с того, что мои эмоции причинили всем боль, — ответила я. — Собственная измена в первой строке не поместилась.

Он стёр текст и попробовал снова. Теперь Павел написал, что любое длительное супружество проходит через кризисы, а зрелость заключается в способности не делать поспешных выводов и не разрушать ценное из-за временных слабостей.

— «Временная слабость» длится больше года, — заметила я. — Квартира, обещания развода и совместные планы плохо помещаются в эту формулировку.

— Тогда предложи другую, — раздражённо сказал Павел. — Нельзя же написать: «Я подлец, простите мою жену за то, что она рассказала правду».

— Можно написать: «Я обманывал жену и аудиторию, используя образ счастливого брака для собственной выгоды», — спокойно ответила я. — Это будет точнее.

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Несколько секунд Павел сидел неподвижно, затем снова начал печатать, но каждая новая версия звучала либо как попытка распределить вину между нами, либо как лекция о сложности человеческой природы.

В одном варианте он предлагал признать, что мы давно отдалились друг от друга. В другом называл связь с Яной «поиском эмоциональной близости в период семейного отчуждения». В третьем утверждал, что сильный общественный резонанс мешает нам принять взвешенное решение и создаёт угрозу детям.

— Ты умеешь говорить только так, чтобы виноватым оказался кто-нибудь ещё, — сказала я после четвёртой попытки. — Даже собственное признание ты строишь как объяснение, почему тебя вынудили изменить.

— Потому что ничего не происходит в пустоте, — ответил Павел, резко закрывая ноутбук. — У любого поступка есть причины, а взрослые люди рассматривают контекст, а не требуют примитивного покаяния.

— Тогда напиши контекст без меня, — предложила я. — Объясни аудитории, что жена стала слишком надёжной, любовница слишком молодой, а ты слишком взрослый, чтобы выбирать между ними.

Павел встал и прошёлся по кухне. Он остановился возле окна, посмотрел на мокрый сад и некоторое время молчал, будто рассчитывал, что пауза заставит меня первой отступить.

— Ты не можешь просто уйти из проекта, — сказал он, не поворачиваясь. — У тебя трудовой договор, текущие задачи и доступ к конфиденциальной информации.

— Я временно прекращаю работу, — ответила я. — Сегодня свяжусь с юристом, а затем подам заявление на развод.

Он повернулся настолько быстро, что задел локтем подоконник. На его лице впервые появилось настоящее потрясение, но оно относилось не к потере брака, а к тому, что я нарушила заранее назначенную им последовательность.

— Не говори глупостей, — произнёс Павел, возвращаясь к столу. — Ты не принимаешь такие решения утром после шока.

— Ты принимал решение изменять мне больше года, — напомнила я. — Думаю, у меня достаточно материала для собственного вывода.

— Развод сейчас уничтожит остатки доверия партнёров, — сказал он и снова сел. — Подожди хотя бы несколько месяцев, пока ситуация не стабилизируется.

— Тебе нужен год, — уточнила я, указывая на документ. — За год ты выпустишь книгу, проведёшь оплаченные мероприятия, подготовишь аудиторию и объяснишь детям, что наше расставание произошло по взаимному согласию.

— Это называется ответственным планированием, — ответил Павел. — Развод затрагивает не только двоих людей.

— Измена тоже затрагивает не только двоих, но ты почему-то планировал её в одиночку, — сказала я. — Я не подпишу соглашение и не буду ждать удобного для тебя момента.

Павел долго смотрел на меня, затем собрал документы в папку. Его движения стали резкими, а спокойствие приобрело жёсткость, которую он редко показывал дома.

— Ты должна понимать юридическую сторону, — произнёс он, застёгивая папку. — Всё, что ты создавала в рабочее время, принадлежит «Ракитин Медиа». Трудовой договор, служебные задания и соглашение о передаче исключительных прав подписаны тобой лично.

— Права на использование текста и авторство — не одно и то же, — ответила я, хотя до конца не знала, насколько это поможет. — Ты не становишься автором книги только потому, что компания владеет правами.

— Это будет решать суд, если ты действительно хочешь превратить нашу жизнь в многолетний процесс, — сказал Павел. — Но прямо сейчас ты не имеешь права копировать внутренние документы, публиковать переписку или использовать рабочие материалы без согласования.

Он открыл телефон и показал экран. В приложении корпоративной почты возле моего имени уже стояла пометка «доступ приостановлен», а учётная запись редакционной системы была заблокирована.

— Ты закрыл мне доступ ночью, — сказала я. — До того как приехал предлагать сохранить должность.

— Это стандартная мера при конфликте интересов, — ответил Павел и убрал телефон. — Ты публично заявила претензии на контент компании, поэтому служба безопасности обязана была ограничить возможность загрузки материалов.

— Значит, в четыре утра ты уже считал меня не женой, а угрозой бизнесу, — заметила я. — Хорошо, что хотя бы здесь ты оказался честен.

Павел хотел ответить, но на лестнице появился Матвей. Он остановился в дверях, переводя взгляд с меня на отца, и сразу понял, что разговор шёл не о примирении.

— Вы опять ругаетесь? — спросил сын и сжал губы. — Можно хотя бы не кричать так, чтобы весь дом слышал?

Мы оба замолчали. Я не заметила, что повысила голос, а Павел мгновенно изменил выражение лица и повернулся к сыну с привычной отцовской мягкостью.

— Мы не ругаемся, — сказал он. — Обсуждаем, как исправить последствия вчерашнего вечера и защитить вас с Лизой от лишнего внимания.

— Не говори за меня, — попросила я. — Мы обсуждали соглашение, по которому я должна год изображать нашу семью и молчать о Яне.

Матвей посмотрел на отца. Павел едва заметно напрягся, потому что я нарушила ещё одно негласное правило и не позволила ему первым объяснить происходящее детям.

— Это временное решение, чтобы всё не развалилось за один день, — сказал он сыну. — Взрослым иногда приходится откладывать личные конфликты ради семьи.

— Мама согласилась? — спросил Матвей и снова посмотрел на меня.

— Нет, — ответила я. — Я собираюсь обратиться к юристу и подать на развод, но тебе не нужно принимать чью-либо сторону.

Сын побледнел. Павел резко встал, будто само слово «развод» нельзя было произносить при ребёнке без предварительно утверждённого сценария.

— Ирина, мы договорились не принимать решений в таком состоянии, — сказал он, подчёркивая каждое слово. — Ты сейчас пугаешь Матвея только потому, что хочешь доказать мне свою независимость.

— Мы ни о чём не договорились, — ответила я. — И он имеет право знать, почему в доме появились юристы, документы и разговоры о отдельных квартирах.

Матвей отступил от двери. Я видела, как ему хочется исчезнуть, и ненавидела себя за то, что его утро превратилось в продолжение публичного эфира.

— Я пойду к Диме, — сказал сын, не глядя на нас. — Только не звоните мне каждые десять минут и не выкладывайте ничего со мной.

— Конечно, — ответила я и подошла ближе. — Напиши, когда доберёшься, а остальное мы решим без тебя.

Павел тоже попытался что-то сказать, но Матвей уже поднялся наверх. Через несколько минут хлопнула входная дверь, и дом снова стал слишком тихим.

— Ты используешь детей, чтобы усилить давление, — произнёс Павел. — Даже вчера в студии ты не подумала, что ролик увидит сын.

— А ты думал о нём, когда приезжал к Яне после работы и публиковал семейные фотографии? — спросила я. — Или ответственность появляется только тогда, когда ложь становится заметной?

Павел взял ноутбук и папку. Он понял, что сегодняшнее совещание закончилось не подписанием документа и не готовым заявлением, поэтому интерес к разговору исчез почти мгновенно.

— Я дам тебе два дня, — сказал он, направляясь к двери. — Потом мы снова встретимся с Мариной, и ты примешь решение не из ярости, а с учётом реальных последствий.

— Я уже приняла решение, — ответила я. — Через два дня оно останется таким же, только у меня будет собственный юрист.

Он задержался в прихожей и посмотрел на меня так, словно хотел запомнить женщину, которая внезапно перестала выполнять свою функцию. Затем Павел надел пальто, взял пакет с нетронутыми круассанами и оставил кофе на кухонном столе, потому что даже в раздражении не собирался убирать за собой.

После его ухода я простояла возле окна несколько минут. Машина выехала из ворот, повернула в сторону города и исчезла за деревьями, а я всё ещё ждала знакомого чувства, которое заставляло раньше идти следом, звонить, просить вернуться и закончить разговор спокойно.

Ничего не произошло. Страх был, растерянность тоже, но потребность догонять мужа исчезла вместе с уверенностью, что за закрытой дверью он обязательно останется моим.

Я вернулась на кухню, вылила кофе Павла в раковину и только потом открыла свой стакан. Напиток давно остыл и оказался сладким, хотя он уверенно сказал, что принёс кофе без сахара. Павел не запомнил даже этого, но считал, что знает меня настолько хорошо, чтобы заранее определить мою реакцию на собственную измену.

Первому адвокату, чей номер я нашла в интернете, звонить не хотелось. Мне был нужен человек, который не зависел от «Ракитин Медиа», не общался с Мариной и не видел во мне только публичную жену известного психолога.

Я вспомнила Ольгу Николаевну Мельникову, юриста, которая несколько лет назад помогала моей сестре с разделом имущества. Мы виделись всего дважды, но она говорила спокойно, не обещала невозможного и однажды отказалась поддерживать красивую, но юридически бессмысленную идею только потому, что клиенту хотелось немедленной победы.

Ольга ответила после третьего гудка. Я представилась, хотя она сразу узнала голос, и кратко сказала, что мне необходима консультация по разводу, имуществу, авторским правам и доступу к корпоративным документам.

— Я видела новости, — произнесла она без любопытства. — Не буду спрашивать по телефону, что из этого правда. Вы можете приехать сегодня к двум?

— Могу, — ответила я и посмотрела на часы. — Мне нужно что-то подготовить заранее?

— Возьмите паспорта, свидетельство о браке, документы на дом, сведения о компании, трудовой договор и всё, что касается книг, — перечислила Ольга. — Ничего не удаляйте, не публикуйте новые материалы и не подписывайте документы мужа, даже если они выглядят временными.

Я сказала, что уже отказалась подписывать соглашение. Ольга коротко заметила, что это было разумно, а затем попросила до встречи сохранить переписку и изменить пароли от личной почты, банковских приложений и облачных хранилищ.

После звонка я впервые за утро почувствовала, что делаю что-то не для Павла, проекта или детей, а для себя. Это не принесло облегчения, зато вернуло способность мыслить последовательными шагами.

Я открыла личный ноутбук и попыталась войти в корпоративную систему. Павел не увеличивал: доступ был заблокирован, а пароль больше не подходил даже к архиву, которым я пользовалась ежедневно.

Сначала меня охватила паника. Там хранились рабочие версии книг, сценарии, таблицы правок и переписка с издательством, а без них доказать собственный вклад было гораздо сложнее. Затем я вспомнила, что годами пересылала файлы на личную почту, работала дома и сохраняла черновики на внешние диски, потому что корпоративное облако несколько раз теряло версии документов.

Я нашла два старых диска в ящике кабинета и начала копировать содержимое на отдельный накопитель. Папки открывались медленно, зато внутри обнаружили тексты, о которых я почти забыла: первая книга с моими комментариями, ранние версии речей Павла, письма издательского редактора и аудиозаписи, где муж надиктовывал несколько разрозненных мыслей, а потом просил меня «собрать из этого нормальную главу».

До встречи оставалось меньше трёх часов. Я не пыталась прочитать всё, только сохраняла файлы, делала скриншоты переписки и записывала даты, которые могли подтвердить последовательность работы.

Отдельно я открыла папку с личными документами. Там лежал договор займа между мной и «Ракитин Медиа» на четырнадцать миллионов рублей, полученных от продажи родительской дачи, но в тот момент я лишь убедилась, что файл сохранился, и не стала внимательно изучать приложения.

В офис Ольги Мельниковой я приехала немного раньше. Он находился в старом деловом центре без стеклянных стен, дизайнерской мебели и кофейного автомата с логотипом компании, поэтому после студии «Честного брака» всё вокруг казалось почти нарочито простым.

Ольга встретила меня в небольшом кабинете, предложила воду и попросила начать не с измены, а с документов. Ей было около пятидесяти пяти, она носила короткую стрижку и смотрела на людей так внимательно, что рядом с ней хотелось говорить точнее.

— Сначала разделим эмоциональную и юридическую части, — сказала она, открывая блокнот. — Вы можете ненавидеть мужа, любить его или менять мнение каждый час, но документы от этого не меняются. Поэтому сегодня мы не решаем, простите ли вы Павла Ракитина, а выясняем, что принадлежит вам, что принадлежит компании и какие доказательства нужно сохранить.

Я рассказала о доме, банковских счетах, доле Павла в ООО и собственном трудовом договоре. Ольга задавала короткие вопросы, уточняла даты и отдельно записала, что компания создавалась во время брака, хотя единственным участником официально значился муж.

— Вы не можете завтра войти в офис и начать управлять ООО, — объяснила она. — Но стоимость доли, сформированной в браке, может учитываться при разделе имущества. Нам понадобится оценка бизнеса, сведения об активах, обязательствах и реальных денежных потоках, а не та цифра, которую предложит сторона Павла.

Я спросила, может ли он вывести деньги или переписать активы. Ольга ответила, что попытки возможны, поэтому нужно быстро собрать сведения, зафиксировать известное имущество и при необходимости просить суд о временных обеспечительных мерах.

Затем мы перешли к книгам. Я показала несколько черновиков, письма и аудиозаписи, а Ольга долго листала файлы, сравнивая даты и названия.

— Здесь нужно различать авторство и исключительные права, — сказала она. — Автором признаётся человек, создавший текст творческим трудом, и это право нельзя просто передать компании. Но права на использование служебного произведения действительно могли перейти работодателю, если всё оформлено правильно.

— Значит, книги всё равно останутся у Павла? — спросила я и почувствовала, как болезненно звучит это слово. — Он сможет продолжать издавать их под своим именем?

— Не спешите объединять несколько вопросов, — ответила Ольга. — Компания может владеть правами на издание текста, но это не означает, что Павел вправе указывать себя единственным автором, если он им не является. Нам нужно изучить договоры, служебные задания, переписку с издательством и реальный характер вашего вклада.

Она предупредила, что публично выкладывать рабочие архивы нельзя. В книгах использовались переработанные истории клиентов и участников программ, поэтому вместе с доказательствами авторства я могла случайно раскрыть чужие конфиденциальные сведения и сама оказаться ответчиком.

— Сохраняйте всё, но ничего не публикуйте без проверки, — подчеркнула Ольга. — Делайте копии, фиксируйте метаданные, выгружайте переписку целиком, а не отдельными удобными фрагментами. Если корпоративный доступ уже закрыт, не пытайтесь обходить защиту через чужие учётные записи.

Я кивнула и записала последовательность действий. Нужно было сохранить личные архивы, проверить облачные хранилища, заказать выписки по совместным счетам, собрать документы на дом, найти договор займа компании и зафиксировать все известные корпоративные вложения.

— Ещё один важный момент, — добавила Ольга. — Не соглашайтесь на устные обещания о квартире, содержании или должности. Ваш муж предлагает не подарок, а обмен молчания и публичного поведения на имущественные условия, которые он потом сможет трактовать иначе.

— Он уверен, что защищает меня, — сказала я. — По крайней мере, именно так он объясняет соглашение.

— Люди часто называют защитой попытку сохранить контроль, — ответила Ольга и закрыла папку. — Особенно когда защищаемый человек почему-то не получает права самостоятельно выбрать, от чего именно его следует спасать.

Я попросила подготовить заявление о расторжении брака и официальное уведомление компании о приостановлении работы до выяснения условий. Ольга уточнила, окончательное ли это решение, и я ответила, что подавать заявление намерена независимо от того, изменится ли моё эмоциональное состояние.

— Тогда начнём, — сказала она и передала мне список документов. — Но будьте готовы, что Павел попытается представить вас импульсивной, мстительной и профессионально зависимой от него. Судебный спор будет строиться не только вокруг бумаг, но и вокруг образа, который он умеет создавать лучше большинства людей.

— Этот образ тоже создавала я, — напомнила я. — Значит, хотя бы его устройство мне известно.

Ольга посмотрела на меня поверх очков и впервые за встречу улыбнулась. Она заметила, что знание чужой стратегии полезно только тогда, когда человек не повторяет её автоматически, и попросила не пытаться победить Павла его же методами.

Когда я вышла из офиса, телефон снова был заполнен сообщениями. Павел не звонил, зато его помощник прислал расписание отменённых встреч, а Марина потребовала подтвердить получение временного соглашения и предупредила о возможной ответственности за ущерб компании.

Я переслала письмо Ольге и написала Марине, что дальнейшее общение по юридическим вопросам будет происходить через моего представителя. Ответ пришёл почти мгновенно: «Ирина, не усложняйте ситуацию. Мы все хотим найти мирное решение».

Слово «мирное» теперь означало решение, в котором Павел сохранял всё, а я обязана была не мешать. Я убрала телефон и поехала домой, но возле ворот увидела машину Лизы.

Дочь ждала меня в гостиной. Она всё ещё была в офисном костюме, на столе лежал телефон, а рядом стояла почти нетронутая чашка чая, которую, вероятно, приготовил Матвей перед уходом.

Лиза поднялась, когда я вошла, но не подошла обнимать. В двадцать два года она была похожа на меня сильнее, чем хотела признавать: тот же прямой взгляд, привычка сжимать губы перед трудным разговором и желание сначала разобраться, а потом позволять себе чувства.

— Ты была у адвоката? — спросила она и сразу посмотрела на папку в моей руке. — Папа сказал, что ты собираешься подавать на развод.

— Собираюсь, — ответила я, снимая пальто. — Он уже успел позвонить тебе и объяснить, почему это неправильное решение?

— Он не объяснял, — возразила Лиза, хотя по её интонации было понятно, что объяснял долго. — Он сказал, что ты сейчас действуешь под влиянием шока и что юристы предлагают подождать хотя бы несколько месяцев.

— Юристы компании предлагают, — уточнила я. — Их задача сохранить бизнес Павла, а не мою жизнь.

Лиза прошла к окну и обхватила себя руками. Она выглядела уставшей сильнее, чем после самых сложных съёмочных дней, и на секунду мне захотелось прекратить спор, посадить её рядом и сказать, что всё обязательно наладится.

Но обещать это было нечестно. Я не знала, сохранится ли компания, как изменятся наши отношения с детьми и сколько лет понадобится, чтобы отделить собственное имя от фамилии Павла.

— Мам, ты понимаешь, что происходит в офисе? — спросила Лиза, не оборачиваясь. — Нам отменили три рекламные интеграции, издательство приостановило продвижение книги, сотрудники боятся, что им не заплатят зарплату. Там работают сорок семь человек, и большинство вообще ничего не знало.

— Я понимаю, что они не виноваты, — ответила я. — Но ответственность за их положение несёт не только человек, который рассказал правду.

— Папа виноват в измене, — резко сказала Лиза и повернулась ко мне. — Я не защищаю его. Но разве нельзя было сначала поговорить дома, придумать, как выйти из ситуации, и только потом делать заявление?

— Можно было, — признала я. — Я могла поступить иначе и не буду притворяться, что успела продумать последствия для всех.

Она явно ожидала сопротивления, поэтому на мгновение растерялась. Я продолжила, что не собираюсь объявлять собственную реакцию единственно правильной только потому, что меня предали, но и брать на себя полную ответственность за обрушение лжи тоже не позволю.

— Папа больше года встречался с Яной, — сказала я. — Всё это время он продавал людям наш брак, готовил книгу о верности и собирался оставить меня в проекте после развода, чтобы я продолжала писать ему тексты.

— Я не знала, — ответила Лиза и отвела взгляд. — Клянусь, я ничего не знала.

Это был единственный вопрос, который я действительно боялась задать. Не потому, что собиралась обвинять дочь, а потому, что мысль о её возможном молчании разрушала бы ещё одну часть семьи.

— Ты никогда не замечала их вместе? — спросила я. — Поздние встречи, поездки, квартиру или что-нибудь ещё?

— Я думала, они работают, — произнесла Лиза и села в кресло. — Яна часто оставалась после съёмок, но папа говорил, что готовит её к самостоятельному проекту. Один раз я видела, как они спорили в коридоре, и она плакала, но он сказал, что Яна боится провала нового сезона.

Она рассказала, что несколько месяцев назад отвозила документы в квартиру, купленную компанией. Павел назвал её служебным жильём для приглашённых специалистов, а Лиза не поднималась выше первого этажа, потому что папка была нужна консьержу.

— Я не знала, что там живёт Яна, — повторила дочь. — Если бы знала, сказала бы тебе.

— Хорошо, — ответила я и почувствовала, как внутри ослабевает один из самых тяжёлых узлов. — Я тебе верю.

Лиза закрыла лицо ладонями. Некоторое время она сидела молча, затем спросила, правда ли я написала все книги отца.

— Да, — сказала я. — Он давал темы, рассказывал истории и утверждал окончательный вариант, но текст создавала я.

— Почему ты никогда не говорила об этом? — спросила она и опустила руки. — Даже нам с Матвеем.

— Потому что сначала считала это общим делом, — объяснила я. — Потом стало стыдно признаться, что добровольно отдала столько лет и не потребовала собственного имени.

— Но ведь компания платила тебе зарплату, — заметила Лиза, и в её голосе прозвучала не жестокость, а привычная логика сотрудника. — Ты не работала бесплатно.

— Зарплата не превращает меня в человека без имени, — ответила я. — И не делает Павла автором текста, который он не писал.

Лиза кивнула, но я видела, что ей трудно сразу перестроить всю картину. В её мире отец всегда был лицом, голосом и главным создателем, а я существовала рядом как человек, который помогает, редактирует и поддерживает. Признать мой настоящий вклад означало признать, что она тоже много лет не замечала очевидного.

— Что ты собираешься делать с компанией? — спросила дочь. — Ты хочешь забрать половину и закрыть проект?

— Я хочу понять, что принадлежит мне по закону, — ответила я. — Я не собираюсь лишать людей работы из мести, но и отказываться от своей доли только потому, что сотрудники зависят от Павла, тоже не буду.

— Они зависят не только от него, — сказала Лиза. — Они зависят от вас обоих, даже если об этом никто не говорил вслух.

Впервые за весь разговор её голос смягчился. Я подошла ближе и села на край дивана, но не стала протягивать руку, потому что дочь всё ещё держала между нами дистанцию.

— Ты можешь злиться на меня за эфир, — сказала я. — Можешь продолжать работать с отцом и не обязана публично поддерживать меня. Я не буду требовать, чтобы ты выбирала сторону.

— А папа уже требует, — тихо ответила Лиза. — Он хочет, чтобы я дала комментарий от лица компании и сказала, что наша семья всегда была сложнее публичного образа.

— Ты согласилась? — спросила я.

— Нет, — произнесла она после паузы. — Я сказала, что сначала поговорю с тобой.

Я кивнула и попросила её не делать никаких заявлений, пока она сама не разберётся, что думает. Лиза ответила, что уже не знает, кому можно верить, и в этой фразе было столько усталости, что спор потерял смысл.

Перед уходом она всё-таки обняла меня. Объятие получилось коротким и напряжённым, но я почувствовала, как дочь дрожит, хотя весь разговор пыталась оставаться спокойной.

— Я всё ещё считаю, что ты не должна была говорить это в эфире, — сказала Лиза, отступая. — Но я не знала о Яне и не буду лгать, что знала.

— Этого достаточно, — ответила я. — Остальное ты решишь сама.

После её отъезда дом снова опустел. Матвей написал, что останется у друга до вечера, а затем спросил, может ли переночевать там, если возле дома появятся журналисты. Я разрешила и позвонила матери Димы, чтобы убедиться, что взрослые знают о ситуации и не планируют фотографировать сына для социальных сетей.

В течение следующего дня Павел начал создавать несколько версий нашей жизни одновременно. Я узнавала об этом не от него, а от людей, которым он звонил, потому что некоторые всё ещё считали меня частью семейной команды и пытались предупредить.

Издателю Павел сказал, что мы давно жили в разных комнатах, а роман с Яной начался после фактического завершения брака. Представителю рекламного агентства он объяснил, что я много лет страдала от болезненной ревности и неправильно интерпретировала профессиональную близость мужа с соведущей.

Одному из спонсоров Павел вообще заявил, что физической измены не было, а Яна стала жертвой эмоционального срыва женщины, испугавшейся потери влияния в компании. Другому он сообщил, что мы обсуждали свободный формат отношений, но я отказалась признавать договорённость после того, как увидела негативную реакцию публики.

Эти версии противоречили друг другу, но каждая была рассчитана на конкретного собеседника. Павел не пытался создать единую правду, потому что ему нужна была не правда, а достаточное количество удобных объяснений, чтобы удержать партнёров от немедленного разрыва контрактов.

Вечером позвонила наша давняя знакомая Светлана, владелица сети семейных отелей. Через три недели мы должны были проводить у неё семинар, и Павел уже успел уверить её, что эфир стал результатом недопонимания, а мероприятие состоится.

— Ира, я не хочу лезть в вашу семью, — сказала Светлана после неловкого вступления. — Но Павел утверждает, что ты просто сорвалась и теперь жалеешь о сказанном. Это правда?

— Я жалею, что мой сын увидел ролик одновременно со всей страной, — ответила я. — Но об измене и авторстве я сказала правду.

Светлана долго молчала, затем призналась, что Павел назвал Яну только сотрудницей, с которой у него была эмоциональная близость без физических отношений. Я уточнила, сказал ли он о квартире, где Яна живёт семь месяцев, и после этого разговор закончился быстро.

Через час Павел прислал сообщение: «Перестань обзванивать партнёров и распространять непроверенную информацию». Я не стала объяснять, что никому не звонила, потому что он всё равно предпочёл бы версию, в которой я целенаправленно разрушаю его бизнес.

На второй день после эфира Ольга прислала проект уведомления компании и список необходимых банковских выписок. Я собрала документы на дом, нашла свидетельства о покупке машин, налоговые декларации и договор займа, который заключила с «Ракитин Медиа» после продажи дачи.

Родительский дом находился в двух часах езды от города. После смерти матери я почти год не могла решиться на продажу, потому что каждая комната хранила слишком много вещей, а старый сад до сих пор пах детством.

Павел убедил меня, что пустующий дом постепенно разрушается, а деньги лучше вложить в расширение студии. Он говорил, что новая площадка станет нашим общим наследием для детей, позволит создавать собственные программы и избавит компанию от зависимости перед арендодателями.

Я продала дачу за четырнадцать миллионов рублей и перевела всю сумму в ООО как беспроцентный заём. Срок возврата был указан через два года, а деньги предполагалось использовать на покупку помещения и ремонт.

В приложениях к договору находилась таблица планируемых расходов, но фактических документов я раньше не проверяла. Павел объяснял, что сделка с помещением сорвалась, рынок изменился и компания временно разместила средства в недвижимости, которую позже можно будет перепродать с прибылью.

Я вошла в банковский кабинет и заказала расширенные выписки по личным счетам. Затем нашла старое письмо от бухгалтера, где упоминалась покупка квартиры компанией через неделю после моего перевода.

Адрес был указан полностью. Жилой комплекс находился недалеко от студии, в том самом районе, куда Павел иногда ездил «на поздние встречи с инвесторами».

Я открыла публичный реестр и увидела, что собственником квартиры действительно являлось ООО «Ракитин Медиа». Формально Павел не подарил Яне недвижимость, но использовал деньги от продажи дома моих родителей, чтобы приобрести место для их встреч и будущей жизни.

Несколько минут я сидела неподвижно, глядя на адрес. Потом открыла страницу Яны в социальной сети и начала просматривать фотографии за последние месяцы.

Раньше её интерьерные снимки казались обычным фоном: светлая кухня, серые стены, большие окна, дизайнерские светильники и несколько деталей, которые она меняла в зависимости от рекламируемого товара. Теперь я увидела, что почти все домашние публикации сделаны в одной квартире.

На фотографии, опубликованной семь месяцев назад, Яна стояла возле окна с бокалом вина и подписала снимок: «Иногда новый дом начинается не с ключей, а с человека, рядом с которым хочется остаться». В отражении стекла был едва различим мужской силуэт, но лица разобрать невозможно.

На другом кадре она сидела на полу среди коробок, а подпись сообщала, что переезд оказался сложнее, чем ожидалось. В комментариях кто-то спросил, будет ли экскурсия по новой квартире, и Яна ответила, что пока не готова показывать место, где счастье должно научиться жить без свидетелей.

Я продолжала листать, пока не нашла фотографию, от которой пальцы сами перестали двигаться. Яна сидела в кресле у книжного шкафа, держала на коленях ноутбук и рекламировала курс по публичным выступлениям.

Само кресло находилось не в центре кадра, а немного сбоку, поэтому раньше я могла бы не обратить на него внимания. Оно было старым, с высокими резными подлокотниками, тёмным деревом и новой бежевой обивкой, но я узнала царапину на левой ножке и маленький скол в форме полумесяца.

Это кресло стояло в спальне моей матери. Она сидела в нём по вечерам, вязала, читала газеты и ругала нас с сестрой за то, что мы складывали одежду на спинку.

После продажи дачи я не смогла выбросить кресло и привезла его домой. Павел сказал, что найдёт хорошего реставратора, потому что старая ткань протёрлась, а дерево требовало обработки.

Несколько месяцев я спрашивала, когда кресло вернут. Он отвечал, что мастер занят, потом сообщил о задержке материалов и наконец сказал, что реставрация оказалась сложнее, чем предполагалось.

Теперь кресло моей матери стояло в квартире, купленной на деньги от продажи её дома. В нём сидела женщина, с которой мой муж строил новую жизнь, пока обещал мне сохранить старую.

Я увеличила фотографию и увидела на столике рядом небольшую фарфоровую вазу. Её тоже не должно было быть там: вазу подарила мне мать на десятилетие свадьбы, а Павел несколько месяцев назад сказал, что она разбилась при переезде части декораций в студию.

В тот момент я окончательно поняла, что речь шла не только об измене. Павел переносил в квартиру Яны вещи из моей жизни, словно заранее собирал новый дом из фрагментов старого и был уверен, что я никогда не замечу пропажи.

Телефон зазвонил, и на экране появилось его имя. Я смотрела на фотографию Яны, сидящей в кресле моей матери, и не отвечала, пока вызов не прекратился.

Через несколько секунд пришло сообщение: «Нам нужно завтра встретиться и закончить заявление. Я подготовил новую версию».

Я сохранила фотографию, сделала скриншот страницы и переслала его Ольге вместе с адресом квартиры и договором займа. Затем написала Павлу только одну фразу: «Кресло моей матери тоже входило в твой план по защите семьи».

Ответа не было почти десять минут. Потом он прислал короткое сообщение: «Не делай выводов по фотографии. Я всё объясню».

Я снова посмотрела на кресло и поняла, что больше не хочу никаких объяснений. За два дня Павел успел предложить мне год лжи, закрыть доступ к собственным текстам, представить меня ревнивой женщиной и использовать три разные версии измены для партнёров.

Теперь выяснилось, что он не просто строил новую жизнь за моей спиной. Он обставлял её вещами из дома, который считал уже достаточно своим, чтобы разбирать на части без моего разрешения.

На экране продолжала светиться фотография Яны. Под ней стояла подпись о новом доме и человеке, рядом с которым хочется остаться.

Я закрыла страницу и впервые подумала не о том, когда Павел начал изменять, а о другом. Сколько ещё вещей из моей жизни он уже перенёс туда, куда собирался уйти, не отпуская меня?

Глава 3. Квартира для новой жизни

Павел позвонил мне через двенадцать минут после того, как я отправила фотографию кресла. За это время я успела переслать Ольге договор займа, выписку о переводе денег и несколько снимков со страницы Яны, а потом снова открыла фотографию, словно надеялась, что при следующем взгляде узнаю другое кресло, другую вазу и другую жизнь. Ошибиться было невозможно: скол на подлокотнике появился ещё в моём детстве

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.